

А. А. Хадынская

Сургутский государственный университет

ЖАНР БАЛЛАДЫ В ЛИРИКЕ АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА

Рассматриваются традиции жанра баллады в авторской интерпретации Арсения Несмелова (1889–1945), одного из крупных представителей восточной ветви русской литературной эмиграции. Балладная форма тесно связана у А. Несмелова с батальной тематикой и отражает события Гражданской войны, участником которой на белогвардейской стороне был сам поэт. Автобиографическая ситуация при переосмыслении ее в рамках балладной традиции приобретает экзистенциальные черты, роднящие лирику Арсения Несмелова с творчеством зрелого Георгия Иванова. Наиболее ярко представлена баллада в сборнике харбинского периода – «Кровавый отблеск» (1928). В анализируемых текстах обнаруживается отчетливое сходство с советской балладой (М. Светлов, Э. Багрицкий, Н. Тихонов) на уровне поэтики и преломления классической русской балладной традиции (В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов): герои «красных» и «белых» баллад очень схожи по своим жизненным установкам, но находятся по разные стороны баррикад.

Тема смерти становится доминирующей у поэта, и это во многом продиктовано эмигрантской судьбой, неприютностью, нуждой и оторванностью от родной культурной почвы. Аллюзии на лермонтовское «Бородино» создают полемический контекст, когда лирический герой осознает, что потерял родину навсегда, и уже не совсем понимает, за что он бьется на полях сражений. В стихотворениях «Разведчики», «Броневик» лирический герой рисует картины бессмысленной гибели героев, загнанных в угол в тяжелом противостоянии Гражданской войны. Героем баллады «В Нижнеудинске» стал сам Колчак, с которым по сюжету у лирического героя происходит встреча перед расстрелом Адмирала.

В балладах Арсения Несмелова перед читателями разворачивается большой аллюзивный план, связанный с «орнитологической темой» (ворон и коршун как традиционные птицы смерти): фольклорные тексты, баллады Пушкина, стихотворения Ф. Тютчева, А. Блока и пр.

В балладе «Моим судьям» Несмелов предрекает собственную гибель, фотографически точно представляя суд над собой в застенках НКВД. Сюжет перекликается с евангельским судом над Христом, с пытками и истязаниями, а также с известным стихотворением Г. Р. Державина «Властителям и судиям».

Широкий литературный контекст вписывает лирику Несмелова в традицию русской батальной баллады, но при этом выявляет и весь трагизм эмигрантского мироощущения, так как смертельная тематика становится у поэта доминирующей.

Ключевые слова: Арсений Несмелов, восточная ветвь русской литературной эмиграции, жанр баллады, советская баллада, акмеистические традиции, литературные аллюзии.

Современный исследователь жанра баллады У. Ю. Верина (Беларусь) отмечает, что исторически русская баллада унаследовала черты трех ее европейских раз-

Хадынская Александра Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Сургутского государственного университета (пр. Ленина, 1, Сургут, 628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, opus2000@mail.ru)

новидностей (английской, шотландской и немецкой), опирающихся, прежде всего, на стиль народных балладных песен с простым языком и установкой на сюжетность. При этом английская и шотландская баллады всегда являлись рассказом о событиях, немецкая большей частью тоже, французская стала фактически «особой строфой», т. е. твердой строфической формой [Верина, 2017]. В статье У. Ю. Вериной дан исчерпывающий анализ исторического пути литературной баллады, который начался от последовательного обогащения литературными способами интерпретаций народных балладных сюжетов, вариантами изображения фантастического и мистического; в конечном счете, по наблюдению Б. В. Томашевского, «под балладой стали понимать стихотворение с фабулой» [1999, с. 158]. Далее в балладе появляется тенденция ее лиризации, она начинает сочетать в себе черты трех литературных родов, постепенно изживая в себе фольклорность, чему поспособствовал опыт Гёте, У. Вордсворта, С. Кольриджа, Г. Гейне, на русской почве – В. А. Жуковского и А. С. Пушкина. Имеется в балладе и драматический элемент (см. исследования Д. М. Магомедовой о диалогах в балладе [Теория литературных жанров, 2011]). Но среди всех тенденций в балладе решающей стала именно тенденция лиризации; ее «яркая нарративность», по наблюдению В. И. Тюпы, «в период ее романтического расцвета все же остается кластерным признаком исторически конкретной модификации жанра, не будучи инвариантным свойством лирики в целом и, в частности, ее балладного ответвления, генетически восходящего к сигналу тревоги, к перформативу угрозы, к колдовскому вызыванию злых духов, к инверсии миростроительного ритуала» [Тюпа, 2012, с. 23].

В развитии баллады в русской литературе, как и в других жанрах, наблюдается периодичность (моменты «подъема» жанра), когда в ней формируются новые жанровые черты. После ставшей уже классической романтической баллады появляются баллады так называемой «второй волны» (баллада Серебряного века – символистская и акмеистская, советская баллада). Д. И. Ивлев отмечает, что символистская баллада во многом была лишена сюжетности (ср.: В. Брюсов писал баллады преимущественно исторические или эротические), акмеисты же были ориентированы на сюжетность [Ивлев, 1983].

Советская баллада имела важный жанровый признак: будучи наследницей романтической баллады, она, тем не менее, оказалась лишена ситуации двоемирия, все события как бы перенесены на «одну сторону», мистицизм сменился героическим пафосом, «единомирием» [Верина, 2017, с. 232], чему способствовала сама историческая ситуация Гражданской войны; в данном случае советская баллада более сопоставима с героической песней. Авторитетный исследователь советской баллады С. Л. Страшнов писал об этом свойстве жанра: «Необычное поэты находят рядом, идеал – в действительности. Отныне не фантастическое предание значительнее и даже реальнее повседневной жизни, как это представлялось романтикам прошлого, – наоборот, сама действительность встает вровень с легендой, а подчас и превосходит ее» [1990, с. 11], что «напоминало коллизии народных и классических баллад, но явно превосходило прежние жанровые образцы по накалу и масштабам, по социальной остроте» [Там же, с. 3–4].

По наблюдению У. Ю. Вериной, «преображение гармонии в хаос и угрозу происходит в советской балладе 1920-х годов не под воздействием вторжения неких враждебных сил, а в результате деятельности (или состояния) самого героя», о чем свидетельствуют баллады М. Светлова и Н. Тихонова [Верина, 2017, с. 231].

Примечательно, что эта черта становится во многом жанроопределяющей в современной балладе рубежа XX–XXI вв., т. е. практически через 100 лет после возникновения советской баллады. При всей понятной разнице исторической ситуации можно говорить о сломе сознания в момент смены эпох (по Л. Гумилеву –

«синдром конца века»). Н. В. Барковская, исследуя современную балладу, приходит к выводу, что она «отвечает мироощущению людей, оказавшихся в годы перестройки в России не субъектами, а объектами тех кардинальных социальных изменений, которые случились помимо их воли. Страх подогревают и ежедневные сообщения о катастрофах, стихийных бедствиях, дефолтах, авариях, террористических актах...» [2011, с. 13], что вполне соответствует жанру с его установкой на таинственные непонятные силы, враждебные человеку. Исследователь приходит к выводу о том, что баллада сейчас является жанром «социальной поэзии» [Там же, с. 14].

Нам было интересно проследить, как выглядит жанр баллады в литературе русской эмиграции первой волны, считавшей себя хранительницей русских классических традиций (Н. Берберова: «мы не в изгнании, мы в послании»); в какой мере эмигрантская поэзия отразила общие тенденции в развитии жанра в русской литературе рубежа XIX–XX вв., насколько близки (или различны) оказались балладные трансформации у поэтов, поддерживавших акмеистическую линию в лирике, как говорится, «по обе стороны баррикад» («советской» и «эмигрантской»), особенно в теме, их объединяющей, – теме Гражданской войны.

В этом смысле балладная традиция очень выпукло отразилась в творчестве Арсения Несмелова – одного из ярких и самобытных поэтов русского литературного зарубежья. Арсений Несмелов (1889–1945) – псевдоним Арсения Ивановича Митропольского, белого офицера, монархиста, соратника Колчака, участника знаменитого Ледового похода. В 1920–1924 гг. он находился во Владивостоке. После его захвата советскими войсками перебрался в Китай. Последние свои годы поэт провел в Харбине, там был арестован органами СМЕРШ, умер в пересыльной тюрьме под станцией Гродеково в 1945 г.

Всё имеющееся на данный момент творческое наследие Несмелова благодаря стараниям Е. Витковского собрано и опубликовано в двухтомном собрании сочинений (Владивосток, 2006), в него вошли поэтические произведения, повести, рассказы и мемуары. Творчество А. Несмелова можно разделить на два периода: владивостокский (1910–1924) и харбинский (1924–1945). Обращение к балладе есть в обоих, что уже было предметом исследовательского интереса. В частности, В. Казак указывал, что «многие стихи Несмелова носят повествовательно-балладный характер... он умел... выразить свои серьёзные человеческие устремления в строках о природе, в философской лирике и в стихах о войне» [Казак, 1996, с. 279]. Т. Савченко связывает интерес к батальной романтической балладе у Несмелова с ориентацией на поэтику Н. Гумилева [Савченко, 2018].

Во владивостокском периоде отметим сборник «Уступы» (1924), в котором атрибутировать как балладу можно, пожалуй, лишь стихотворение «Бандит» – в нем очевиден авантюрный сюжет и его драматичная развязка: герой-бандит убегает от погони, выпрыгивая в окно, спасается у «любовницы на даче», его настигают и там, он отстреливается, но брошенная в окно граната заканчивает схватку. Финал баллады динамичен, ситуация обрисована с помощью «кинематографического» приема резкой смены «кадров»:

И он упал от грохота и блеска, –
Прижались лица бледные к стеклу,
И женщина визжала на полу,
И факелом горела занавеска
[Несмелов, 2006, с. 77]¹.

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

Значительно больше стихотворений-баллад в следующем сборнике, уже харбинского периода, «Кровавый отблеск» (1928), написанного по страшным событиям Гражданской войны. В балладе «Разведчики» герои-белогвардейцы прячутся на чердаке, отстреливаясь от красных. Автор подробно описывает, как они организуют свое «стрельбище»: «поставили треногий пулемет», «проверили по всаднику наводку», «и стали пить из голубых баклаг // Согретую и взболтанную водку» (с. 83). По сюжету разведчики погибли, накрытые вражеским огнем. Их смерть описана яркой деталью: «Как голубь, взвил оторванный погон // И обогнал, крутясь, обломки крыши» (с. 84). Гибель группы разведчиков стала лишь эпизодом в движении Белой армии:

...Но двигались лесами корпуса
Вдоль пепелищ по выжженному следу,
И облака раздули паруса,
Неся вперед тяжелую победу
(с. 84).

В стихотворении очевидна ориентация на военную балладу о подвиге с характерной концовкой, обозначенной отточием, со смыслом гибели во имя будущих побед. Здесь очевидна переключка с советской балладой, отличительной чертой которой является «единомирие» (в противовес традиционному «двоемирию»), когда, как уже отмечалось, второй план баллады нивелирован, остается только реальный, в котором герои продолжают свое победоносное шествие («Отряд не заметил потери бойца...»), по М. Светлову, а также баллады Э. Багрицкого, Н. Тихонова).

Другой вариант балладной традиции отражен в стихотворении с авторским названием, дающим ключ к его жанровому прочтению «Баллада о Даурском бароне», посвященная «черному» барону Роману Федоровичу Унгерн фон Штернбергу (1886–1921) – одиозной фигуре белого движения, яркому монархисту, наводившему ужас на всех своей харизмой, бесстрашием и жестокостью (он был расстрелян коммунистами в Новониколаевске (ныне Новосибирск) в 1921 г.). Баллада начинается с экспозиции: барон подъезжает к оврагу на черном коне, спешивается и подходит к «изрубленным трупам», «смотрит им в лица» и, не сумев совладать с яростью, совершает жуткий акт, от чего даже его конь «обезумел»:

Кавказский клинок –
Он уже обнажен –
В гниющее
Красноармейское мясо,
Повиснув к земле,
Погружает барон
(с. 89).

Далее по сюжету заболевает любимый ворон барона, на его лечение назначен врач, которому в случае неуспеха грозит смерть. Врач, понимая невозможность вылечить любимую птицу предводителя, «вышел безмолвно // И тут же, // В передней, // Руками развел и покончил с собой» (с. 90). Воины барона берут в плен партизанку и комиссара, барон велит на ночь «свести их вместе», а утром расстрелять. После их казни барон спрашивает, не каркал ли ворон над их телами, но тот «издох». Барон в гневе и отчаянии восклицает, что тот не «издох», а «умер», потому что был его единственным другом:

Литературная жизнь сюжета

Он был моим другом,
В кровавой неволе
Другого найти я уже не смогу!»
И, весь содрогаясь от гнева и боли,
Он отдал приказ отступить на Ургу
(с. 91).

В балладе имеется концовка, переводящая повествование в легендарный план:

Я слышал:
В монгольских унылых улусах,
Ребенка качая при дымном огне,
Раскосая женщина в кольцах и бусах
Поет о бароне на черном коне...
(с. 91).

Ведь теперь барон, ставший призраком, в дни песчаных бурь «...мчит над пустынею Гоби, // И ворон сидит у него па плече» (с. 92). Военный сюжет о кровавом белогвардейском бароне соответствует балладному канону: мистическая птица, финал-легенда, динамичный сюжет по типу мщения за нарушенный запрет, общая макабрическая тематика. К прототипическому тексту можно отнести известную шотландскую балладу «Ворон к ворону летит» в переводе А. С. Пушкина, в которой вороны являются свидетелями смерти богатыря, а его жена не знает об этом и ждет убитого домой. Об этой смерти мы узнаём из диалога воронов, он и является способом организации этого сюжета, что вполне соответствует выводам Д. М. Магомедовой о ритуальных диалогах в народных балладах, которые развиваются «не в сторону упорядочения, а в сторону гибели, катастрофы» [Теория литературных жанров, 2011, с. 127–128]:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон! Где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?»
Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый»
[Пушкин, 1977, с. 75]

В этой балладе драматизм заключается в неведении жены. В еще одной известной народной балладе «Черный ворон» герой просит вещью птицу передать его жене, что она теперь может быть свободна, так как он повенчан с другой (со смертью); в конце баллады он отдается ворону: «Черный ворон, весь я твой», т. е. ворон традиционно для народной культуры является метафорой смерти.

В балладе Несмелова, сообразно жанру, события изображены пунктирно, нет предыстории, зафиксировано несколько сюжетных контрапунктов, по которым сюжет восстанавливается. Диалогическое начало (разговоры барона с однополчанами) также является двигателем сюжета, отсутствуют лирические и пейзажные отступления, имеется «легендарный финал». Есть и пара «мужчина – женщина», в варианте Несмелова это партизанка и комиссар, которых, вероятно, связывают личные отношения (можно говорить о чертах так называемой семейной баллады, где герои связаны семейными узами, и смерть разлучает их). В народной балладе любовь побеждает смерть, даже в случае гибели обоих (вырастает дерево на могилах и пр.). В несмеловском варианте гибнут оба, и их сюжетная линия является побочной и однозначной, без морально-этического вывода о торжестве любви.

Для баллады характерен интерес к индивидуальной судьбе героя на фоне больших исторических событий. У Несмелова мы видим трагический образ белогвардейского офицера, превратившегося в призрак. В отличие от советских баллад с их «единомирием» в этой балладе мы видим второй, мистический план в духе Н. В. Гоголя (призрак из «Шинели») и Э. По («Ворон»); аллюзивной в данном случае можно считать и тему пушкинской «Песни о вещем Олеге» (смерть коня – в данном случае ворона – мистическим образом повлекла за собой смерть воина).

Примечательны переклички орнитологической темы у Несмелова с известной балладой Э. Багрицкого «Смерть пионерки», в котором подтверждается принцип «единомирия» советской баллады; у него ворон не уносит с собой воина в мир смерти, а помогает ему в борьбе (выделено нами. – А. Х.):

Возникай содружество
Ворона с бойцом –
Укрепляйся, мужество,
Сталью и свинцом
[Багрицкий, 1979, с. 549].

Кроме Э. Багрицкого, среди близких Несмелову литературных фигур в советской поэзии можно отметить Николая Тихонова. А. И. Чагин отмечал сходство их исторических судеб как «почти зеркально отражавших друг друга»: «И тот, и другой воевали сначала на германской, потом на Гражданской войнах; и тот, и другой запечатлели в своих стихах события Гражданской войны, увиденные с разных сторон исторического столкновения; в поэтических голосах и того, и другого звучала героическая, мужественная гумилевская нота; наконец, для каждого из них излюбленным средством создания своего поэтического эпоса Гражданской войны стал жанр баллады. В сущности, каждый из них создавал свою мифологию этих событий, и если на страницах тихоновских баллад, помимо “кровоавого отблеска”, лежал и отсвет близкой победы, и вера в грандиозность того, что рождается в таких муках, то поэтическая мифология Несмелова несла на себе отсвет обреченности» [Чагин, 2008, с. 406–407].

Особенно ярко проявилась эта мифология в инокультурных образах поэта. Не имея особого интереса к азиатской тематике, каковой был, например, у его литературного собрата по «Чураевке» Валерия Перелешина, Несмелов часто изображал инородцев в негативном ключе. В рассматриваемой балладе монгольская тема возникает в балладе Несмелова не случайно, она обусловлена исторической достоверностью, к которой поэт всегда стремился. Известно, что барон Унгерн делал ставку в своем войске на азиатов (они по численности превосходили славян в несколько раз), верил в шамбалу и, прекрасно зная азиатскую ментальность, управлял своим азиатским войском виртуозно. Монголы и китайцы слагали о нем легенды, считали его богом войны, для них он стал совершенно мифической фигурой. По свидетельству историков, его действия по защите монголов привели в итоге к независимости Монголии от Китая, чего не смогла сделать ни одна близлежащая территория, они все были аннексированы Китаем.

К жанру баллады можно отнести несмеловское стихотворение «Броневики», в котором очевидны переклички с лермонтовским «Бородино». Лирический герой повествует о судьбе белого броневики «Капель», прошедшего горнило Гражданской войны и расстрелянного красным броневики с говорящим именем «Товарищ». Битва противников описывается как богатырский поединок, бой Давида и Голиафа, в котором нельзя определить принадлежность соперников. Прослеживается лермонтовский батальный словник: «бивак», «пушки», «колет», «орудие», «Москва», «дуэль» (отсыл к лермонтовской биографии), но общий героический

настрой сбивается уже в середине баллады, полемически по отношению к лермонтовским звучат строки

Харбин вас встретил холодно и грубо:
«Коль вы, шпана, не добыли Москвы,
На что же, голоштанье, мне вы?»
И чтоб его сильнее не прогневить –
Еще вчера стремительный и зоркий,
Уполз покорно серый броневик
За станцию, на затхлые задворки
(с. 95).

Сданная Москва 1812 года была, по сути, Божьим промыслом и тактическим ходом Кутузова (по Лермонтову, «Не будь на то Господня воля // Не отдали б Москвы»), трагизм же ситуации Гражданской войны в том, что неясно, на чьей стороне правда в этом братоубийстве, непонятно, кто Давид, кто Голиаф, это предстоит еще выяснить на суде Истории, хотя симпатии лирического героя (читай – автора) понятны:

Кто Голиаф из них и кто Давид –
Об этом будущее прогремит
(с. 93).

В финале описывается судьба броневика, вынужденного отправиться «за станцию, на затхлые задворки», он метафорически назван «рыжим трупом» и «бесклювым коршуном», для которого пришли «мертвые дни»: очевидная аллюзия на блоковский «Коршун» (1916) и на весь его исторический героический контекст (цикл «На поле Куликовом», «Родина» и пр.), что подтверждается упоминанием имени поэта в тексте: «Любил когда-то Блока капитан, // А нынче верит в пушку и наган». Последние строки несмеловского «Броневика» являются авторским ответом на вековечный блоковский вопрос «Доколе матери тужить? // Доколе коршуну кружить?» [Блок, 1985, с. 370]: для него война проиграна, коршун повержен, в чем и проявилась «ирония судьбы».

Орнитологическая символика в балладе соответствует военной теме (орлы, вороны, коршуны – хищные птицы, традиционно связанные с батальной тематикой), в тексте упоминается травестированный образ имперского двуглавого орла, превратившегося в «молотосерпный» герб. В аллюзивном плане прочитывается и Тютчев («С поляны коршун поднялся...», 1835), к которому у Несмелова было особое, пиететное отношение (говоря о величии русского языка, он отмеряет его от этого имени: «Он изумительный, – от Тютчева / До Маяковского велик» (с. 100)).

Блок, Тютчев, Лермонтов, Гумилев фиксируют ориентированность Несмелова на романтическую трактовку войны, что соотносимо с идейно-эстетической устремленностью советской баллады, только у него мы наблюдаем позицию «с другой стороны баррикад». Герои Несмелова – белогвардейцы, присягнувшие императору и пошедшие на смерть за царя и Отечество. В балладе «В Нижнеудинске» описывается встреча лирического героя с арестованным Колчаком. Это была минутная встреча, Колчак кивнул лирическому герою, после чего «Умчали чехи Адмирала // В Иркутск – на пытку и расстрел!» (с. 170). Событие наполнено мортальной символикой: эшелон затих «как неживой», «было точно погребальным // Охраны хмурое кольцо», у Адмирала «уста, уже без капли крови», в межбровной складке у него есть что-то «роковое»; тема смерти поддержана «морозом лютым», inferнальным «стеклом зеркальным», «последним салютом» руки, который герой отдает Колчаку.

Сообразно жанровой природе сюжет стихотворения предельно сжат (минутная встреча, когда герой рефлекторно откозырял поверженному адмиралу), усилено лирическое начало (образ Колчак подан в оксюморонном ключе, он как живой мертвец), финал всего – смерть («на пытку и расстрел!»), что соответствует общей балладной установке («перформанс смерти»), а также на это налагается логика исторических событий вкупе с общей экзистенциальной установкой Несмелова (см. об этом в диссертации О. Н. Романовой [2002]).

Осознавая неминуемое поражение, Несмелов, тем не менее, не отступает от белогвардейской монархической идеи и понимает неизбежность трагического финала. В балладе «Моим судьям» Несмелов предрекает собственную гибель, фотографически точно представляя суд над собой в застенках НКВД. Сюжет перекликается с евангельским судом над Христом, с пытками и истязаниями:

Сяду, встану, – много раз поднимут
Господа в мундирах за столом.
Все они с меня покровы снимут,
Буду я стоять в стыде нагом.

Сколько раз они меня заставят
Жизнь мою трясти-перетряхать.
И уйдут. И одного оставят,
А потом, как червяка, раздавят
Тысячепудовым: р а с с т р е л я т ь!
(с. 171)

Христианскому смирению Иисуса противопоставлена жесткая несломленность, отчаянность загнанного зверя: «И, как зверь, почувствовавший травлю, // Вздрогну на залязгавший засов». Звериная, волчья символика очень частотна у Несмелова, наследуется им от Мандельштама (его трилогии о «веке-волкодаве»): «без жалоб, судорог, молений» (в противовес Христову «Молению о чаше»), «подниму свой непокорный взгляд». Пророчество, к сожалению, сбылось с потрясающей исторической точностью! Несмелов, не декларируя открыто каких-либо религиозных воззрений, назвав стихотворение так, отсылает читателя к державинским «Властителям и судиям», в которых четко прослеживается апелляция к Божьему суду как высшей справедливости. Для его историософии революция и последовавшая за ней Гражданская война явились наказанием за избранный когда-то давно путь Петровских реформ, западной цивилизации (см. об этом диссертацию Т. И. Царегородцевой [2002]).

По мнению А. А. Забияко, «апокалипсис первой мировой переиначил всю картину мира человека, низвел прежние авторитеты, девальвировал привычные ценности и с болезненной остротой обозначил непреходящее значение “земного”, “плотского”. Настоятельная потребность в *живых* чувствах *живых* людей усугубляет интерес к литературе динамичной. К меткому и лаконичному слову, к новым жанровым модификациям» [Забияко, 2013, с. 11].

Несмелов, наследующий акмеистическую линию в эмигрантской поэзии (см. об этом в диссертации И. С. Трусовой [2000]), идет по пути изображения динамики и противоречий самой жизни, испытывает острый интерес к социальным вопросам. Следуя за балладной традицией Гумилева, он трансформирует жанр в сторону усиления реалистического начала, минимизации фантастического, которое фактически уходит в метафорику (об акмеистической природе метафоры у Несмелова см. в диссертации О. Н. Романовой [2002]). Акмеистические установки способствуют появлению сложного аллюзивного плана, реминисцентных отсылок к русской романтической традиции и русской батальной балладе. Эмигрантская же ситуация провоцирует появление в балладе мортальной, эсхатологи-

ческой, а также ностальгической тематики («Россия, которую мы потеряли»), что вписывается в общее настроение как собственно несмеловской линии, так и литературы первой волны эмиграции в целом (см. об этом: [Хадынская, 2017]). Благодаря опоре на реальные исторические события баллада у поэта приобретает мощное социальное звучание, вместе с тем сохраняя культурную память о героическом прошлом. Ситуация усугубляется мощным социальным разломом, помноженным у Несмелова на разрыв с родиной, давший поэту особенно мучительно.

Несмелов, трансформируя балладную традицию, вводит ее в свою экзистенциальную парадигму: балладный лирический герой (или персонаж) изображен на краю гибели, вслед за героем Г. Иванова «спускаясь в ад» (Г. Иванов: «Я уже спустился в ад»). Весь хронотоп баллад Несмелова свидетельствует о конфликте пространств: прошлое (в лице белогвардейской идеи) пытается взять реванш и терпит поражение от настоящего (советского строя). В классической романтической балладе прошлое оказывается ценностно значимым самим фактом своего существования и не оспаривается, в стихах же Несмелова «век-волкодав» вносит свои коррективы в аксиологические ориентиры лирического героя: реальность настойчиво заявляет о своем приоритете, это «гибель всерьез», социальные перипетии имеют вид тектонического сдвига, содрогнувшего мир, и на их фоне особенно остро ощущается одиночество и беспомощность людей, рискнувших противостоять истории, драматизм существования которых усугубляется сложными отношениями с отвергнувшей их родиной. Их героизм сродни религиозному подвигу, когда человеком движет исключительно внутренняя убежденность, а также вера в торжество мировой справедливости, пусть и не пришедшее на время их жизни.

Список литературы

- Багрицкий Э.* Смерть пионерки // Русская поэзия советской эпохи: Сб. художественных текстов / Под ред. М. Варга, Н. Секей, Л. Силард. Будапешт, 1979. 952 с.
- Барковская Н. В.* Жанр баллады в современной русской поэзии // Scripta manus: Науч. журн. Ассоциации открытой дипломатии. 2011. № 3 (11). С. 13–21.
- Блок А. А.* Лирика. М.: Изд-во «Правда», 1985. 416 с.
- Верина У. Ю.* Обновление жанра баллады в русской поэзии рубежа XX–XXI вв. // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия: История и филология. 2017. Т. 27, вып. 2. С. 230–239.
- Забияко А. А.* На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: В 4 т. / Сост., общ. ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой; вступ. ст. А. А. Забияко. Т. 1: Проза: В 3 ч. Ч. 1 (А–К). Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013.
- Ивлев Д. Д.* Русская советская лирика 1917 – начала 1930-х гг. (типология и история): Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1983. 46 с.
- Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М.: Культура, 1996.
- Несмелов А.* Собр. соч. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 560 с.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Ленинград: Наука, 1977. Т. 3.
- Романова О. Н.* Лирика Арсения Несмелова: проблематика, мифопоэтика, поэтический язык: Дис. ... канд. филол. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2002. 200 с.
- Савченко Т.* Арсений Несмелов: Личность и Судьба. 2018. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/N/nemelov-arsenij/literaturnoe-nasledie/8> (дата обращения 14.08.2018).
- Страшинов С. Л.* Молодеет и лад баллад: баллада в истории русской советской поэзии: Литературно-критические статьи. М., 1990. 157 с.

Теория литературных жанров: Учеб. пособие / Под ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2011. 256 с. (Серия: Бакалавриат)

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1999. 334 с.

Трусова И. С. Арсений Несмелов: поэтическая биография: Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2000. 238 с.

Тюпа В. И. Генеалогия лирических жанров // Изв. Юж. федерал. ун-та. Серия: Филологические науки. 2012. № 4. С. 8–31.

Хадынская А. А. Утраченная Россия Арсения Несмелова // Север России: стратегии и перспективы развития: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Сургут, 2017. Т. 1. С. 184–191.

Царегородцева Т. И. Арсений Несмелов: поэтическая судьба в контексте переломной исторической эпохи: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2002. 153 с.

Чагин А. И. «Затонувшая субмарина» Арсения Несмелова // Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 401–410.

A. A. Khadynskaya

Surgut State University

GENRE OF BALLADS IN THE LYRICS OF ARSENIY NESMELOV

The article considers the traditions of the ballad genre in the author's interpretation of Arseniy Nesmelov (1889–1945), one of the major representatives of the eastern branch of Russian literary emigration. The ballad form is closely connected in A. Nesmelov's lyrics with the battle theme and reflects the events of the Civil War, in which the poet himself was a participant on the White Guard side. The autobiographical situation, when reinterpreting it within the framework of the ballad tradition, acquires existential traits that relate the lyrics of Arseniy Nesmelov to the work of the mature Georgiy Ivanov. The ballad in the collection of the Harbin period, "Bloody Reflection" (1928), is most vividly represented. In the texts analyzed there is a clear similarity to the Soviet ballad (M. Svetlov, E. Bagritsky, N. Tikhonov) at the level of poetics and refraction of the classical Russian ballad tradition (V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov): the heroes of "red" and "white" ballads are very similar in their life settings, but are on opposite sides of the barricades.

The theme of death becomes dominant in the poetry and this is largely dictated by the emigrant fate, homelessness, need and isolation from the native cultural soil. Allusions to Lermontov's "Borodino" create a polemical context when the lyrical hero realizes that he has lost his homeland forever, and does not quite understand what he is fighting for on the battlefields. In the poems "Scouts", "Armored car" lyrical hero draws pictures of the senseless death of heroes, driven into a corner in a difficult confrontation of the Civil War. The hero of the ballad "In Nizhneudinsk" was Kolchak himself, with whom, according to the plot, the lyrical hero meets before the execution of the Admiral.

A large allusive plan unfolds before the readers in the ballads of Arseniy Nesmelov, connected to the "ornithological theme" (crow and kite as traditional birds of death): folklore texts, Pushkin's ballads, F. Tyutchev's, A. Blok's poems, etc.

In the ballad "To My Judges", Nesmelov predicts his own doom, photographically representing the trial of himself in the dungeons of the NKVD. The plot echoes the evangelical trial of Christ, with excruciation and torture, as well as with a famous poem by G. R. Derzhavin "To the Lords and Judges".

A wide literary context inscribes Nesmelov's lyrics in the tradition of the Russian battle ballad, but at the same time reveals the tragedy of the emigrant worldview, since the mortal theme becomes dominant.

Keywords: Arseniy Nesmelov, eastern branch of Russian literary emigration, ballad genre, Soviet ballad, acemeistical traditions, literary allusions.

References

- Bagritskiy E. Smert' pionerki. Russkaya poeziya sovetской epokhi: sbornik khudozhestvennykh tekstov [The death of a pioneer. Russian poetry of the Soviet era: a collection of artistic texts]. Eds. M. Varg, N. Sekei, L. Silard. Budapesht, 1979, 952 p. (in Russ.)
- Barkovskaya N. V. Zhanr ballady v sovremennoy russkoy poezii [The genre of the ballad in contemporary Russian poetry]. *Scripta manent: nauchnyy zhurnal Assotsiatsii otkrytoy diplomatii* [*Scripta manent: Scientific Journal of the Association of Open Diplomacy*], 2011, no. 3 (11), p. 13–21. (in Russ.)
- Blok A. A. Lirika [Lyrics]. Moscow, Pravda Publ., 1985, 416 p. (in Russ.)
- Chagin A. I. «Zatonuvshaya submarina» Arseniya Nesmelova. In: Chagin A. I. Puti i litsa. O russkoy literature XX veka. Moscow, 2008, p. 401–410. (in Russ.)
- Ivlev D. D. Russkaya sovetskaya lirika 1917 – nachala 1930-kh gg. (tipologiya i istoriya) [Russian Soviet lyrics of 1917 – early 1930s (typology and history)]: Abstract of Philol. Doct. Diss. Moscow, 1983, 46 p. (in Russ.)
- Kazak V. Leksikon russkoy literatury XX veka [Lexicon of Russian literature of the 20th century]. Moscow, Kul'tura, 1996. (in Russ.)
- Khadynskaya A. A. Utrachennaya Rossiya Arseniya Nesmelova. *Sever Rossii: strategii i perspektivy razvitiya. Proc. III All-Russian scientific conf.* Surgut, 2017, vol. 1, p. 184–191. (in Russ.)
- Nesmelov A. Sobranie sochineniy [Collected works]. Vladivostok, Al'manakh «Rubezh», 2006, vol. 1: Verses and poems, 560 p. (in Russ.)
- Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]. In 10 vols. Leningrad, Nauka, 1977, vol. 3. (in Russ.)
- Romanova O. N. Lirika Arseniya Nesmelova: problematika, mifopoetika, poeticheskiy yazyk [Lyrics of Arseniy Nesmelov: problems, mythopoetics, poetic language]. Cand. of Philol. Diss. Komsomolsk on Amur, 2002, 200 p. (in Russ.)
- Savchenko T. Arseniy Nesmelov: Lichnost' i Sud'ba. 2018. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/N/nesmelov-arsenij/literaturnoe-nasledie/8> (accessed 14.08.2018). (in Russ.)
- Strashnov S. L. Molodeet i lad ballad: ballada v istorii russkoy sovetской poezii: literaturno-kriticheskie stat'i. Moscow, 1990, 157 p. (in Russ.)
- Teoriya literaturnykh zhanrov: ucheb. posobie. Ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, 2011, 256 p. (Series: Bakalavriat). (in Russ.)
- Tomashevskiy B. V. Teoriya literatury. Poetika. Moscow, 1999, 334 p. (in Russ.)
- Trusova I. S. Arseniy Nesmelov: poeticheskaya biografiya. Cand. of Philol. Diss. Vladivostok, 2000, 238 p. (in Russ.)
- Tsaregorodtseva T. I. Arseniy Nesmelov: Poeticheskaya sud'ba v kontekste perelomnoy istoricheskoy epokhi. Cand. of Philol. Diss. Omsk, 2002, 153 p. (in Russ.)
- Tyupa V. I. Genealogiya liricheskikh zhanrov. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Ser. Filologicheskie nauki*, 2012, no. 4, p. 8–31. (in Russ.)
- Verina U. Yu. Obnovlenie zhanra ballady v russkoy poezii rubezha XX–XXI vv. [Renewal of the ballad genre in Russian poetry at the turn of the 20th and 21st centuries]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. istoriya i filologiya* [*Bulletin of the Udmurt University. Series of history and philology*], 2017, vol. 27, no. 2, p. 230–239. (in Russ.)
- Zabiyako A. A. Na proselochnykh dorogakh russkoy literatury: kazu kharbinskoy belletristiki [On the country roads of Russian literature: the incident of Harbin fiction]. *Literatura russkogo zarubezhiya. Vostochnaya vetv'* [*Literature of the Russian Abroad. Eastern branch*]. Reader. In 4 vols. Comp. and ed. by A. A. Zabiyako, G. V. Efendieva. Blagoveshensk, AmSU Publ., 2013, vol. 1: Prose, pt. 1 (A–K). (in Russ.)

Alexandra A. Khadynskaya – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Linguistics and Translation studies, Surgut State University (1 Lenin Str., Surgut, 628412, Russian Federation, opus2000@mail.ru)